

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ: ЛИРИЧЕСКОЕ «Я» И ПОЭТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

© Волков В.В.*

Тверской государственной университет, г. Тверь

Интерпретируется содержание основного концепта лирики Арсения Тарковского – Вестник, рассматриваются базовые элементы и свойства его поэтической философии: установка на поэтическую трансмутацию, вневременной хронотоп, богоподобие поэтического делания, интермедальность человеческого «я» и др.

Ключевые слова: лирический герой, вестник, концептосфера, семантический континуум, сингулярность.

Поэзия Арсения Тарковского удивительно цельна, несмотря на то, что первое из опубликованных стихотворений написано в 1929-м, а последнее – в 1983 году. Удивительны не только постоянство тем и цельность поэтической философии, но и не зависящая от возраста смысловая глубина: нет ни «раннего», ни «позднего» Тарковского, есть один лирический герой, пронесший сквозь все испытания, в том числе через Великую Отечественную, цельность своего «я».

Центральное звено концептосферы Тарковского вербализовано в названии сборника «Вестник» (1966-1971). *Вестник* в прагмастилистическом [2] прочтении – не как тот, кто ««кто присылает, пишет, подает или приносит весть о чем» (В.И. Даль), в соотносительности со словообразовательной парой *ведать* > *весть* ‘знаемое’, не как *ангел* в его этимологически исходном значении (гр. *aggelos* ‘вестник, посланник > ангел’), но как *медиум* (из лат. *medium* ‘середина > нечто среднее, находящееся посреди, занимающее промежуточное положение > центр, средоточие’) – не в поверхностно-обиходном современном прочтении ‘посредник между людьми и миром духов’, а в непосредственно-поэтическом ощущении своего мужественного [4] «срединного» положения как в пространстве, так и во времени мироздания (здесь и далее цит. по: [10]):

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост –
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

---

* Профессор кафедры Русского языка, доктор филологических наук, профессор.

Весть Тарковского не банальное «сообщение, известие». Его *весть* – переход от эзотерического к экзотерическому, от «тайнознания» к «явнознанию», от знания для избранных к знанию для всех. Точнее, поэтическое приглашение прикоснуться к тайному, проявление *трансмутации* [3, с. 192-202] лирического «я», религиозной установки сознания [6] как одного из фундаментальных свойств «человека эстетического» [5] Такое предназначение вестника точно охарактеризовал Даниил Андреев: «Вестник – это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, дает людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющийся из миров иных» [1, с. 350]. Вестничество и гениальность – разные явления, хотя иногда и совмещающиеся. Один из основных признаков вестничества – «... чувства, что ими и через них говорит некая высшая, чем они сами, и вне их пребывающая инстанция» [1, с. 351].

Тайна, даже провозглашенная, не может стать чем-то общепонятным, обыденным. Тайное постигается через возвышение обыденного. Способ возвышения – поэтическое слово: метафора, которая воздвигает барьер, предоставляя возможность его преодолеть в опоре на родной язык. Тайное в поэтической метафоре – полураскрыто.

Весть Тарковского не нова, она о единстве человека, мира и Бога; ново – непосредственное переживание этого единства и метафорика. Мысль о единстве микрокосмоса и макрокосмоса, человека и Вселенной, хотя и не всегда явно, лежит в фундаменте любой культуры. Мысль о богочеловечестве, способность непосредственно переживать свою соприродность Богу – достояние по преимуществу русской души. Причём это переживание двувекторно: с одной стороны, в человеке как микрокосме отражается великое – Бог и Вселенная; с другой стороны, человек как богоподобный макрокосм несет в себе микрокосм – Вселенную: «И я ниоткуда / Пришел расколоть / Единое чудо / На душу и плоть, // Державу природы / Я должен рассечь / На песню и воды, / На сушу и речь. // И, хлеба земного / Отведав, прийти / В свечении слова / К началу пути».

Пафос стихотворения – в самоотжествлении лирического героя с Троиным. Не кто-нибудь – я! – подобно Богу Отцу вношу в хаос – сложность, разделяя телесное и духовное: «душу и плоть», «песню и воды», «сушу и речь». «Человеческое сердце, – писал С.Л. Франк в книге “С нами Бог: Три размышления”, – что бы ни думал сознательно сам человек – так устроено, что и центр его тяжести, и точка его опоры находятся в ином месте, вне круга его чувственно-телесного бытия» [11, с. 296]. Поэтому земное человеческое призвание – внести сложность, создать, по выражению И. Пригожина и И. Стенгерс, «порядок из хаоса» [9], – не может завершиться иначе, как возвращением к «точке опоры». Герой Тарковского знает, что – подобно Богу Сыну – предстоит вернуться «к началу пути», к Отцу Своему Небесному, – вернуться «в свечении слова» (поскольку слово, Логос – это предвечный Христос). Троидин Господь, человек подобен ему и в этом.

Может показаться на первый взгляд странным *ниоткуда* в самой первой строке; но человек не может помнить, где душа его пребывала до земного воплощения. «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3: 8).

Еще глубже чувство соприродности человека троичному Богу, чувство, что человек, по словам С.Л. Франка, «... не одинок в бытии, не есть существо, неведомо откуда взявшееся и неведомо как и зачем брошенное в мир, а есть сам выражение глубочайшей первоосновы бытия и потому в глубинах бытия имеет нечто родственное себе, на что он может опереться» [11, с. 301], выразилось в стихотворении «Явь и речь», в центральной его строфе:

Не я словарь по слову составлял,
А он меня творил из красной глины;
Не я пять чувств, как пятерню Фома,
Вложил в зияющую рану мира.
А рана мира облегла меня;
И жизнь жива помимо нашей воли.

Сожмём первые две строки, чтобы нагляднее оказались семантико-синтаксические связи: «... словарь ... меня творил из красной глины». Бог Отец, давший тело, и Бог Дух Святой, давший этому телу жизнь, и Бог Сын – эта «рана мира», что «облегла меня», – вот три части «я» и лирического героя, и каждого из людей. Да, «жизнь жива помимо нашей воли».

Эта *весть* – вневременная. Отсюда мотив призванности и бессмертия *вестника*, как в стихотворении «Жизнь, жизнь»:

Предчувствиям не верю, и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет:
Бессмертны все. Бессмертно все. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

Что есть время в поэтическом восприятии Тарковского? Главное его свойство – цельность. Не в смысле континуальности и вытекающей из нее сугубой условности членения непрерывного потока на мгновения или века, но в смысле сингулярной слиянности прошлого, настоящего и будущего. Это сингулярность «без времени, верха и низа», в нем концы, начала и «середины» сплавлены в вечности – всех, в бессмертии – *вестника*.

«Раскрутка» сингулярного времени в историю (по В.В. Налимову, «распаковывание семантического пространства» [8]) – историю всех людей вместе или в историю жизни отдельного человека – не отменяет того, что все условные точки на временной оси существует в сингулярности «одномоментно»: «грядущее свершается сейчас», и это «сейчас» нераздельно с прошлым:

Живите в доме – и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, –
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.

«... Все пять лучей останутся у вас» – формула универсальной связи времен, а не поэтическая самонадеянность на признательность потомков.

О сингулярности времени – без термина *сингулярность* – Тарковский говорит на языке не только высокой поэзии, но и обихода, с легкой самоиронией. «Четверо нечленов профсоюза» в стихотворении «Новоселье» – Атлант, Сизиф, Геракл и Одиссей (ныне обыкновенные грузчики) – помогают хозяину переселиться в новую квартиру. Помогли. Ушли. Остался неизвестно откуда появившийся Пен. И – «Как древле – прадед, / мамонтовы кости / На нем / рубил / хозяин /топором!».

Биография Арсения Тарковского пока не написана. Думается, придет время, и мы узнаем, что за таинственный предмет обихода оказался возвышенным до сакрального Пня. Дело не в этом. Сосредоточимся на метафорике: старый дом (или квартира?) – «пещера»; «переехать» оттуда помогают – именно в такой, вполне соответствующей ходу истории последовательности и названы имена «нечленов профсоюза» – «Атлант, Сизиф, Геракл и Одиссей»; именно они втаскивают «Попокатепетль дивана, / Малиновый, как первозданный рай». Действительно, с культурно-исторической точки зрения, христианский рай – явление более позднее, чем времена, когда совершал свои подвиги Геракл или странствовал Одиссей. «Переезд» на новую квартиру оказывается «размазанным» по всей истории человечества, а в финале время сворачивается в нечто вроде листа Мёбиуса: ведь «мамонтовы кости» рубит вовсе не прадед, а сам хозяин на празднике новоселья!

Теперь не шуточное (и нешуточное) стихотворение – одно из тех, что можно считать знаковыми в творчестве Тарковского, концентрирующими его художественную философию, в данном случае философию времени:

Я по каменной книге учу вневременный язык,
Меж двумя жерновами плыву, как зерно в камневерти,
И уже я по горло в двухмерную плоскость проник,
Мне хребет размолото на мельнице жизни и смерти.

Что мне делать, о посох Исаяи, с твоей прямизной?
Тоньше волоса пленка без времени, верха и низа.
А в пустыне народ на камнях собирался, и в зной
Кожу мне холодила рогожная царская риза.

Стихотворение загадочное. Зримо-убедительна фигура ветхозаветного Исаяи, который, по словам о. А. Меня, на протяжении почти полувека «оставался духовным отцом Иерусалима, советником царей, неподкупной совестью нации» [7, с. 57], ясен смысл эпитета *прямызна* – речей, всего духовного облика величественного старца, и смысл эпитетов, образующих своеобразный оксюморон – *рогожная* и *царская*; великолепен опять-таки зримо-убедительный образ простой мельницы из двух каменных жерновов, – но нелегко понять, что же происходит с лирическим «я»: а ведь местоимение *я* открывает стихотворение и затем в этой же форме или в форме *мне* повторяется еще четыре раза! В частности, во второй строфе (в ветхозаветной сцене обращения пророка к народу), в сильной анафорической позиции – в начальной и заключительной стоках: «Что мне делать, о посох Исаяи, с твоей прямызна?», – здесь лирический герой видится преображающимся в древнего старца, сливающимся с ним в одно, а далее: «... кожу мне холодила рогожная царская риза», – преображение, со-слияние завершено, уже сам лирический герой ощущает прикосновение грубого – пастушеского и одновременно царского – одеяния.

О метафорах первой строфы. *Два жернова* – дни нынешний и ветхозаветный. А *двумерная плоскость*? Как известно, такая плоскость лишена толщины. Следовательно, времена слились? Жизнь и смерть неразличимы?

«Стихи из детской тетради» – это воспоминание о голодном, но полном внутреннего поэтического труда детстве, когда хотелось «ради шутки не тратить ни слова, / Сочинять величавые оды...», – а там, глядишь, четырнадцатилетнему мальчишке «за гексаметр в холодном вокзале» дадут «военные люди» кусок черного хлеба, а матросы – закурить. Не лучшее из стихотворений Тарковского, но процитируем эпитафию с авторизацией «*Из тетради 1921 г.*»: «... О, мать Ахайя, / Пробудись, я твой лучник последний...» Не *Ахея*, как, скорее всего, сказали бы мы сейчас, имея в виду всю Древнюю Элладу или одну из ее провинций, но именно *Ахайя* – по именованию в Новом Завете и как хочется прочитать это слова, если оно написано буквами древнегреческого алфавита. «Надо мной не смеялись матросы. / Я читал им: / «О, мать Ахайя!» / Мне дарили они папиросы, / По какой-то Ахайе вздыхая».

Безвозвратно ли ушло волшебное слово – *Ахайя*? Жив ее «лучник последний», и лишь дремлет ее царица. «Пробудись...».

Удивительна эта переключка гениального «Я по каменной книге учу вневременный язык...» и двух строк из детской тетради.

Поэту свойственно перевоплощаться. Перевоплощаясь – или, вернее, во-площаясь – в других, он не только дает возможность другим высказаться через себя, но и возможность раскрыться тем многочисленным «я», которые живут в нем самом. Кто живет в Тарковском? В стихотворении «Предупреждение» – не только люди: «Еще в скорлупе мы висим на хвощах / Мы – ранняя проба природы, / У нас еще кровь не красна, и в хрящах / Шумят силурийские воды... // А мы уже в горле у мира стоим / И бомбою мстим водородной / Еще не рожденным потомкам своим / За собственный грех первородный».

Верить ли, что это «мы» включает и «я» лирического героя? А как не верить, если «мы» – это и зачаток животной жизни, и все люди – поначалу обходившиеся без богов, а потом богов нашедшие; рожденные миром и в конце концов вставшие ему поперек горла? Всё это «мы», каждый из людей – и из тех, кто был до людей. Время сингулярно. Ответственность за атомную смерть несет не один человек – все живое, что ему предшествовало, хотя бы и в палеозое.

В финале временной «лист Мёбиуса» замыкается: «Ну что ж, златоверхие башни смахнем, / Развеем число Галилея / И Моцарта флейту продую огнем, / От первого тлена хмелея. // Нам снится немая, как камень, земля / И небо, нагое без птицы, / И море без рыбы и без корабля, / Сухие, пустые глазницы».

Начало и конец мира сошлись в одной временной точке.

Спросим: почему о *числе* Галилея идет речь? Это «число» не что иное, как формула, отражающая соотношение скоростей движения точки в инерциальной покоящейся системе и инерциальной системе, движущейся по отношению к первой с постоянной скоростью. Иными словами, речь идет о физическом законе.

Можно ли уничтожить физический закон? Можно, при условии, что мы уничтожаем Вселенную: например, возвращаем ее к исходному состоянию сингулярности. Но это – смысловой потенциал, лишь заложенный в метафоре «развеем число Галилея», но в контексте творчества Тарковского не реализованный. Для него начало времен – это начало жизни на Земле; конец – не определен никак.

«Я» Тарковского всеохватно, «всепронзающе». «Я» – во всех и во всём. Но если тютчевское «Всё во мне и я во всём!..» охватывает по преимуществу пространство, хотя бы и Вселенной, то «я» Тарковского охватывает и все времена; более того, причудливо объединяет их, переставляя элементы, творя из них новую систему, как в «Посредине мира»: «Я Нестор, летописец мезозоя, / Времен грядущих я Иеремия. / Держа в руках часы и календарь, / Я в будущее втянут, как Россия, / И прошлое кляню, как нищий царь».

Автор «Повести временных лет» оказывается «летописцем мезозоя»; Иеремия из своего седьмого века до новой эры переносится во «времена грядущие»; лирический герой в одно и то же время – и ветхозаветный «нищий царь», и часть неотделимая России, вместе с ней устремленная в будущее. Думается, искать в этих смешениях временных пластов какие-то конкретные смыслы не стоит; это просто примеры связанности всего со всем; с равным успехом на месте этих могли бы стоять другие примеры. Исключение, конечно, за метафорой *царь*, очень для Тарковского значимой, и, разумеется, осью *будущее – Россия*.

Итак, пространство Тарковского сингулярно, как и время. Человек – в любой из точек, и в этом смысле – «посредине мира». «...Все пять лучей останутся у вас» – потому что назначение поэтического труда вестническое, а *весть* поэта – о Божьей призванности человека к бессмертию.

Список литературы:

1. Андреев Д.Л. Роза Мира. – М.: Иной Мир, 1992. – 575 с.
2. Волков В.В. Основы филологии: антропоцентризм, языковая личность и прагматилистика текста / Тверской госун-т. – Тверь: Изд. Кондратьев А.Н., 2013с. – 147 с.
3. Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания: Учебное пособие / Тверской госун-т. – Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. – 220 с.
4. Волков В.В. В чем истоки мужества? // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2008. – № 15. – С. 41-45.
5. Волков В.В. «Человек эстетический» в романе В. Орлова «Альтист Данилов»: О квазитезаурусе жизнетворчества музыканта // Язык и культура (Новосибирск). – 2013. – № 5. – С. 179-185.
6. Волков В.В., Иванова Н.М. Религия как макроконцепт русской культуры: морфо- и лексикостатистика в лингвоконцептологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2008. – № 15. – С. 148–157.
7. Мень А. Ветхозаветные пророки (Библейские пророки от Амоса до Реставрации. VIII-IV в. до н.э.). – Л.: Совм. издание Общества «Библиотека “Звезды”» и ЛО «Советский писатель», 1991. – 252 с.
8. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: «Прометей», 1989. – 287 с.
9. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
10. Тарковский А.А. Избранное. 1929-1979. – М.: Худож. лит., 1982. – 736 с.
11. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.